

Островский Александр Николаевич

Бедность не порок

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич О.**
Бедность не порок / Островский Александр Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
49 с.

ISBN 978-5-521-26745-3

ISBN 978-5-521-26745-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

книзи и думати.

Государь

Митя.

Митя.

Побѣжать на верхъ. (*Уходить*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Митя (одина).

Ка тоска, Господи!... На улицъ праздникъ, у всякаго въ домъ праздникъ, а ты сиди въ четырехъ стѣнахъ!... Всѣмъ-то я чужой, ни родныхъ, ни знакомыхъ!... А тутъ еще... Ахъ, да ну, съѣсть лучше за дѣло, авось тоска пройдетъ. *(Садится къ конторкѣ и задумывается, потомъ запываетъ):*

«Красоты ея не можно описать!... Черны брови, съ поволокою глаза».

Да, съ поволокою. А какъ вчера въ собольемъ салопѣ, покрывшисъ платочкомъ, идеть отъ обѣда, такъ это... ахъ!... Я такъ думаю, и не прикидано такой красоты! *(Задумывается, потомъ поетъ):*

«Ужъ и гдѣ-жь эта родилась красота»...

Какже, поидеть тутъ работа на умъ! Все-бы я думалъ объ ней!... Душу-то всю истерзалъ тоскою. Ахъ ты горе-горевальщице!... *(Закрываетъ лицо руками и сидитъ молча. Входитъ Пелагея Егоровна, одитая по-зимнему, и останавливается въ дверяхъ).*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Митя, Митенька!

Митя.

Чтѣ вамъ угодно?

Пелагея Егоровна.

Зайди ужъ вечеркомъ къ намъ, голубчикъ. Поиграете съ дѣвчушками, пѣсенокъ почете.

Митя.

Премного благодаренъ. Первымъ долгомъ сочту-съ.

Пелагея Егоровна.

Чтѣ тебѣ въ конторѣ все сидѣть одному! Не велико теселъ! Зайдешь, чтѣ-ли? Гордѣя-то Карпыча дома не будетъ.

Митя.

Хорошо-съ, зайду безпремѣнно.

Пелагея Егоровна.

Уѣдетъ, вѣдь, опять... да, уѣдетъ туда, къ этому, къ своему-то... какъ его?..

Митя.

Къ Африкану Савичу-съ?

Пелагея Егоровна.

Да, да! Вотъ наизялся, прости Господи!

Митя (подавая стулъ).

Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Охъ, нѣкогда. Ну, да ужъ присяду немножко. *(Садится).* Такъ вотъ поди-жь ты... этакая напасть! Право!... Подружились, вѣдь, такъ, что на поди. Да! Вотъ какое дѣло! А зачѣмъ? Къ чему пристало? Скажи ты на милость! Человѣкъ-то оный буйный да пьяный, Африканъ-то Савичъ... да!

Митя.

Можетъ, дѣла какія есть у Гордѣя Карпыча съ Африканомъ Савичемъ.

Пелагея Егоровна.

Какія дѣла! Никакихъ дѣловъ нѣтъ. Вѣдь онъ-то, Африканъ-то Савичъ, съ аглицкимъ все пьютъ. Тамъ у него аглицинъ на фабрикѣ дилекторъ — и пьютъ... да! Намеку-то не слѣдъ съ нимъ. Да развѣ съ нимъ сговорш! Гордость-то его одна чего стоить! Мнѣ, говоритъ, здѣсь не съ кѣмъ компанію водить, все, говорить, сволочь, все, идишь ты, мужикъ, и живуть-то по-мужички; а тотъ-то, видишь ты, московскій, больше все въ Москвѣ... и богатый. И чтѣ это съ нимъ сдѣлалось? Да, вѣдь, вдругъ, любезнейшій, вдругъ! То, все-таки, разсудовъ нѣтъ. Ну, жилъ мы, конечно, не роскошно, а все-таки, такъ, что дай Богъ всякому; а вотъ въ прошломъ году въ отъѣздъ ѣздили, да перенялъ у кого-то. Перенялъ, перенялъ, ужъ мнѣ сказывали... всѣ эти штуки-то перенялъ. Теперь все ему наше русское не мило; ладить одно — хочъ жить по нѣмцѣ, модамъ заниматься. Да, да!.. Надѣнь, говоритъ, чепчикъ!.. Вѣдь, чтѣ выдумаетъ-то!.. Прельщать, чтѣ-ли, мнѣ кого на старости, говорю, разныя прелести дѣлать! Тыфу! Ну, вотъ поди-жь ты съ нимъ! Да! Не пилъ, вѣдь, прежде... право... никогда, а теперь съ этимъ Африканомъ пьютъ! Съ пьяну-то, должно быть, у него *(показывая на плечу)* и помутилось. *(Молчаніе).* Ужъ я такъ думаю, что это врагъ его смущаетъ! Какъ-таки разсудку не имѣть!.. Ну, еще кабы молоденькій: молоденькому это и парадиться, и все это лестно; а то, вѣдь, подъ шестьдесятъ! Миленькій, подъ шестьдесятъ! Право! Модное-то ваше да нѣмцѣе, я говорю ему, каждый день мѣняется, а русской-то нашъ обычай испоконъ вѣку живетъ! Старикъ-то не глупый насъ былъ. Да развѣ съ нимъ сговорш, при его-же, голубчикъ, кругомъ-то характерѣ.

Митя.

Что говорить! Строгий человекъ-съ.

Пелагея Егоровна.

Любочка теперь въ настоящей порѣ, надобно ее пристроить, а онъ одно ладить: нѣтъ ей ровни... нѣтъ да нѣтъ!... Анъ вотъ есть!.. А у него все нѣтъ... А каково-же это материнскому-то сердцу!

Митя.

Можетъ быть, Гордѣй Карпычъ хотѣтъ въ Москвѣ выдать Любовь Гордѣевну.

Пелагея Егоровна.

Кто его знаетъ, что у него на умѣ. Смотритъ зѣвремъ, ни словечка не скажетъ, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговорить съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. *(Встаетъ)*. Заходи, Митенька.

Митя.

Приду-съ. *(Гуслинь входитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Гуслинь.

Пелагея Егоровна.

отъ и еще молодецъ! Приходи, Яшенька, ужь къ намъ наверхъ съ дѣвушками пѣсни попойтъ, ты, вѣдь, мастеръ, да гитару захвати.

Гуслинь.

Хорошо съ, это намъ не въ трудъ, а еще, можно сказать, въ удовольствие-съ.

Пелагея Егоровна.

Ну, прощайте! Пойти соснуть полчаса.

Гуслинь и Митя.

Прощайте-съ! *(Пелагея Егоровна уходитъ; Митя садится къ столу, пригорюнившись. Гуслинь садится на кровать и беретъ гитару)*.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Митя и Яша Гуслинь.

Гуслинь.

отъ пароду было на катань!.. И ваши были. Что-жъ ты не былъ!

Митя.

Да что, Яша, обула меня тоска-кручина.

Гуслинь

Что за тоска? Объ чемъ тебѣ тужить-то?

Митя.

Какъ-же не тужить-то? Вдругъ въ голову взошли такіе мысли: что и такое за человекъ на свѣтѣ есть? Теперь родительница у меня въ старости и бѣдности находится, ее дожеть содержать, а чѣмъ? Жалованье маленькое, отъ Гордѣя Карпыча все обида да брань, да все бѣдностью попрекаетъ, точно я виноватъ... а жалованья не прибавляетъ. Понскаль-бы другаго мѣста, да гдѣ его найдешь безъ знакомства-то. Да, признаться сказать, я въ другому-то мѣсту и не пойду.

Гуслинь.

Отчего-же не пойдешь? Вотъ у Разяулиевыхъ, жить хорошо — люди богатые и добрые.

Митя

Нѣтъ, Яша, не рука! Ужъ буду все терпѣть отъ Гордѣя Карпыча, бѣдствовать буду, а не пойду. Такая моя планка!

Гуслинь

Отчего-же такъ?

Митя *(встаетъ)*.

Такъ, ужъ есть тому дѣлу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того гори не знаетъ. Никому я про свое горе не сказывалъ.

Гуслинь.

Скажи мнѣ.

Митя *(махнувъ рукою)*.

Зачѣмъ?

Гуслинь.

Да скажи, что за важность!

Митя.

Говори не говори, нѣтъ, не можешь!

Гуслинь.

А почему знать!

Митя *(подходитъ къ Гуслину)*.

Никто мнѣ не поможетъ. Пропала моя голова! Полюбилась мнѣ больно Любовь Гордѣевна.

Гуслинь.

Что ты, Митя?! Да какъ же это?

Митя.

Да вотъ какъ ни какъ, а ужъ сдѣлалось.

Гуслинь.

Лучше, Митя, пзъ головы выкинь. Этому дѣлу никогда не бывать, да и не разиваться.

Митя.

Знавши я все это, не могу своего сердца образить. „Любить друга можно, нельзя позавидеть!..“ *(Говоритъ съ сильными жестами)*. „Позавидеть я красну дѣвицу пуще роду, пуще племени!.. Злые люди не велятъ, велятъ бросить, перестать!“

Гуслинъ.

Да и то надоть бросать. Вотъ Анна Ивановна мнѣ и ровня: у ней пусто, у меня ничего, да и то дидевка не велитъ жениться. А тебѣ и думать нечего. А то забереши въ голову, потомъ еще тяжелее будетъ.

Митя *(декламируетъ)*.

«Что на свѣтѣ престоко? —
Престока есть любовь!»

(Ходитъ по комнатѣ). Яша, читалъ ты Кольцова? *(Останавливается)*.

Гуслинъ.

Читалъ, а что?

Митя.

Какъ онъ описывалъ всѣ эти чувства!

Гуслинъ.

Въ точности описывалъ.

Митя.

Ужъ пменно, что въ точности. *(Ходитъ по комнатѣ)* Яша!

Гуслинъ.

Что?

Митя.

Я самъ пѣсню сочинилъ.

Гуслинъ.

Ты?

Митя.

Да.

Гуслинъ.

Давай голосъ подберемъ, да и будемъ пѣть.

Митя.

Хорошо. На, вотъ. *(Отдаетъ ему бумагу)*. А я напишу немного — дѣло есть: не равно Гордѣй Карпычъ спроситъ. *(Садится и пишетъ)*. Гуслинъ беретъ гитару и начинаетъ подбирать голосъ; Разлюляевъ входитъ съ гармоніей).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Разлюляевъ.

Разлюляевъ.

 Давствуйте, братцы! *(Напрыгиваетъ на гармонію и приплясываетъ)*.

Гуслинъ.

Эко, дуракъ! На что это ты гармонію-то купилъ?

Разлюляевъ.

Извѣстно, на что — играть. Вотъ такъ... *(Играетъ)*.

Гуслинъ.

Ну ужъ, важная музыка... нечего сказать! Брось, говорятъ тебѣ.

Разлюляевъ.

Что-жъ, не брошу рази!.. Коли захочу, такъ и брошу... Вотъ важность! Денегъ, что-ли, у насъ нѣтъ? *(Бьетъ себя по карману)*. Звенять! У насъ гулять — такъ гулять! *(Бросаетъ гармонію)*.

«Одна гора высока,
А другая низка;
Одна хила даяка,
А другая близко».

Митя *(ударяетъ Митю по плечу)*, а Митя! Что ты сидишь?

Митя.

Дѣло есть. *(Продолжаетъ заниматься)*.

Разлюляевъ.

Митя, а Митя, а я гуляю, братъ... право слово, гуляю. Ухъ, ходи! *(Поетъ: „Одни горы высока“ и проч.)*.. Митя, а Митя! весь праздникъ буду гулять, а тамъ за дѣло... Право слово! Что-жъ, у насъ денегъ, что-ли, нѣтъ? Вотъ онѣ!.. А я не пьянъ... Нѣтъ, такъ гуляю... весело...

Митя.

Ну, гуляй на здоровье.

Разлюляевъ.

А послѣ праздника жепьюсь!... Право слово, жепьюсь! позиму богатыю.

Гуслинъ.

Ну, вотъ слушай-ка, такъ-то ладно-ль будетъ?

Разлюляевъ.

Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслинъ *(поетъ)*.

«Нѣтъ-то злѣй, постыжѣ
Злой сиротской доли,
Злѣе горы лютаго,
Тяжелѣй неволи!
Всѣмъ на свѣтѣ праздничекъ,
Тебѣ не веселье!..
Буйной-ли головушкѣ
Безъ вина похмѣлье!
Молодость не радуетъ,
Красота не тѣшитъ;
Не зазноба-дѣвушка —
Горе кудри чешетъ».

(Во все это время Разлюляевъ стоитъ, какъ вкопанный, и слушаетъ съ чувствомъ; по окончаніи пѣнія весь молчитъ).

Бѣдность не пороѣ.

Фототала М. Павла.

ДѢЙСТВІЕ I. ЯВЛЕНІЕ 11-ое.

Издана ред. „Будильника“.

Люб. Карл. Стой! что за человекъ? по какому виду? за какиѣ дѣла? Взятъ ее подъ сумнѣніе!

Разлюляевъ.

Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Такъ за сердце и хватаетъ *(Вздыхаетъ)*. Эхъ, Яша! сыграй веселую, полно капитель-то эту тянуть — нынче праздникъ. *(Поетъ)*:

«Ухъ! какъ гусара не любить!
Это не годится!»

Подыгрывай, Яша. *(Гуслинъ подыгрываетъ)*.

Митя.

Полно вамъ дурачиться-то. Давайте-ка лучше сидежте въ кучку да полегоньку пѣсенку споемъ.

Разлюляевъ.

Ладно. *(Садятся)*.

Гуслинъ *(запѣваетъ; Митя и Разлюляевъ подтягиваютъ)*.

«Размолочники вы молоденькіе,
Вы дружки мои»...

(Входитъ Гордѣй Карпычъ; всѣ встаютъ и перестаютъ пѣть).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Гордѣй Карпычъ.

Гордѣй Карпычъ.

то распѣлись! Горланить, точно мужичье! *(Митя)*: И ты туда-жъ! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Чтò яа полпивнал! Чтòбъ у меля этого не было впередъ! *(Подходитъ къ столу и разсматриваетъ бумаги)*. Чтò бумаги-то разбросалъ?..

Митя.

Это я счета провѣрялъ-съ.

Гордѣй Карпычъ *(беретъ книгу, Кольцова, и тетрадь со стихами)*.

А это еще чтò за глупости?

Митя.

Это я отъ скуки, по праздникамъ-съ, стихотворенія господина Кольцова переписываю.

Гордѣй Карпычъ.

Какія пѣжности при нашей бѣдности!

Митя.

Собственно для образованія своего занимаюсь, чтòбъ имѣть понятіе.

Гордѣй Карпычъ.

Образованіе! Знаешь-ли ты, что такое образованіе?.. А еще туда-же разговариваетъ! Ты-бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ! Вѣдь къ намъ наверхъ ходишь, гости бываютъ... срамъ! Куда деньги-то дѣлаешь?

Митя.

Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей нѣгдѣ взять.

Гордѣй Карпычъ.

Матери посылаешь! Ты себя-то-бы обзавелъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана, чай сама хлѣвы затворяла.

Митя.

Ужъ пушай-же лучше я буду терпѣть, да маменька, по крайности, ни въ чемъ не нуждается.

Гордѣй Карпычъ.

Да, вѣдь, безобразно! Ужъ копн не умѣешь пасть собою приличія наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ; коли голъ кругомъ, такъ пѣчего о себѣ мечтати! Стихи пишешь, образованіе себя хочешь, а самъ какъ фабричный ходишь! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурацкія пѣсни пѣть? То-то глупо-то! *(Сковызавъ зубы и косаясь на Митю)*. Дуракъ! *(Помолчалъ)*. Ты и не смѣй показываться въ этомъ сертучишкѣ наперхъ. Слышишь, я тебѣ говорю! *(Къ Разлюляеву)*. А ты тоже! Отецъ-то, чай, деньги лопатой загребаетъ, а тебя въ этакомъ зипуншкѣ подить.

Разлюляевъ.

Чтò-жъ такое! Онъ понимъ... сукно-то французское, пѣтъ Москвы выписывали, по знакомству... двѣнадцать рублей пришилъ. Чтò-жъ пѣшто мнѣ этикую шутку падѣть, какъ у Франца Оеодоровича, у аптекаря... кургузую; такъ его воипъ и дразнить всѣ: страмъ-шалыто! Такъ чтò-жъ хорошаго людей смѣшати!

Гордѣй Карпычъ.

Много ты знаешь! Да чтò, съ тебѣ изыскать-то пѣчего! Самъ-то ты глупъ, да и отецъ-то твой не больно умный... цѣлый вѣкъ съ засаженными брюхомъ ходишь; дураками непростѣщенными живете, дураками и умрете.

Разлюляевъ.

Ужъ ладно.

Гордѣй Карпычъ *(строго)*.

Чтò?

Разлюляевъ.

Ладно, молъ.

Гордѣй Карпычъ.

Неутъ, и сказать то пугно не умѣешь! Говорить-то съ нами — только слова тратить; все равно, чтò стѣпъ горохъ, такъ и вамъ, дуракамъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Ть-же, безъ Торцова.

Разлюляевъ.

 Одинокъ-съ, какой грозный! Ишь ты развоевался! Такъ вотъ тебя и испугались... Какже, держи карманъ-то!

Митя (*Гуслину*).

Вотъ она жизнь-то моя какова! Вотъ каково мнѣ сладко жить-то на свѣтѣ!

Разлюляевъ.

Да отъ этакова житья — запьешь, право, запьешь! А ты брось, не думай. (*Запѣваетъ*):

«Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко».

(*Входятъ: Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Ть-же, Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

 Анна Ивановна.

И прѣ честной компаніи!

Разлюляевъ.

Милости прошу къ нашему шалашу.

Митя.

Наше почтеніе-съ! Милости просимъ!.. Какими судьбами?..

Анна Ивановна.

А никакими, просто — взяли да и пришли. Гордѣй Карпычъ уѣхалъ, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, такъ теперь наша воля... Гуляй — не хочу!..

Митя.

Просимъ покорно садиться. (*Садятся; Митя садится противъ Любови Гордѣевны; Разлюляевъ ходитъ*).

Анна Ивановна.

Надоѣло молча-то сидѣть, орѣхи щелкать; пойдемте, говорю, дѣвушки, къ парнямъ, а дѣвушкамъ и люблю.

Любовь Гордѣевна.

Что ты выдумываешь-то? Мы не воображали сюда пдти, это ты выдумала.

Анна Ивановна.

Какже не такъ! Да ты перывай... Известно дѣло, кому что нужно, тотъ объ томъ и думаетъ: парни объ дѣвкахъ, а дѣвки объ парняхъ.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!.. Это вы, Анна Ивановна, въ точности говорите.

Любовь Гордѣевна.

Вотъ ужъ никогда!

Маша (*Лизѣ*).

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Это, Анна Ивановна, вы говорите совсѣмъ на-противъ.

Анна Ивановна.

Ахъ, вы скромность! Ужъ сказала-бы словечко, да не хорошо при парняхъ-то... Сама была въ дѣвкахъ, все знаю.

Любовь Гордѣевна.

Дѣвушка дѣвушкѣ рознь.

Маша.

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Что вы говорите, это даже для насъ очень странно и можно сказать, конфузно.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна.

А объ чемъ сейчасъ наверху разговоръ былъ? Хотите скажу!.. Ну, говорите, что-ля? Что, при-смѣяли!

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна.

Ты что ротъ-то разинулъ! Не объ тебѣ — небось!

Разлюляевъ.

Хоша и не обо мнѣ, однако, можетъ быть, есть, кто и объ насъ думаетъ. Мы знаемъ, что знаемъ! (*Приплясываетъ*).

«Какъ гусара не любить,
Это не годится!»

Анна Ивановна (*подходитъ къ Гуслину*).

Что-же ты, бандуристъ, когда на мнѣ женишься?

Гуслинь (*идя на шитье*).

А вот когда отъ Гордѣя Карпыча разрѣшенъе
видеть. Куда намъ торопиться-то, надъ нами не
каплетъ. (*Киваетъ ей головой*). Поди-ка сюда, Анна
Ивановна, мнѣ нужно сказать тебѣ одно дѣло.
(*Она подходитъ къ нему и садится подле него;
онъ ей шепчетъ на ухо, поглядывая на Любовь Гордѣевну и Митю*).

Анна Ивановна.

Что ты говоришь!.. Неужто!

Гуслинь.

Ужъ это вѣрно такъ.

Анна Ивановна.

Ну, такъ хорошо, молчи! (*Говорятъ шопотомъ*).

Любовь Гордѣевна.

Ты, Митя, придешь къ намъ уже вечеромъ?

Митя.

Приду-съ.

Разлюляевъ.

И я приду. Я больно писать гораздъ. (*Ста-
новится фертомъ*). Дѣвушки, полюбите меня кто-
нибудь.

Маша.

Какъ вамъ не стыдно! Что это вы такое гово-
рите!

Разлюляевъ.

Что-жъ такое за важность! Я говорю: полюбите
меня... за мою простоту.

Лиза.

Этого не говорить дѣвушкамъ. А должны были
сама дожидаться, чтобы насъ полюбили.

Разлюляевъ.

Да, дождешься отъ васъ, какъ же! (*Шлестъ*).

«Какъ гусара не любить»!

Любовь Гордѣевна (*взглянувъ на
Митю*).

Можетъ быть, кто-нибудь и любить кого-нибудь,
да не скажетъ: надобно самому догадаться.

Лиза.

Какая-же дѣвушка въ мѣръ можетъ сказать это!

Маша.

Конечно.

Анна Ивановна (*подходитъ къ нимъ
и поглядываетъ то
на Любовь Гордѣ-
евну, то на Митю
и заливается*).

«Ужъ и какъ это видно,
Кои кто кого любить —
Противъ милаго садится,
Тяжеленько вздыхаетъ».

Митя.

На чей счетъ это приписывать нужно?

Анна Ивановна.

Ужъ мы знаемъ, на чей.

Разлюляевъ.

Стойте, дѣвушки, я вамъ пѣсню спою.

Анна Ивановна.

Спой, спой!

Разлюляевъ (*постъ протяжно*).

«Леталъ медвѣдь по поднебесью»...

Анна Ивановна.

А ты хуже этой-то не знаешь?

Лиза.

Даже можно принять это въ насмѣшку.

Разлюляевъ.

А коли эта не хороша, я вамъ другую спою; я,
вѣдь, веселый. (*Постъ*):

«Ахъ, бей въ доску,
Поминай Москву!
Москвѣ хочется жениться —
Коземну взять.
А Тула-то хохочетъ,
Да въ приданое не хочетъ!
А грехи по четыре,
Крупа по сороку,
Вотъ просо у насъ гривна,
А ячмень три алтына».

(*Обращаясь къ дѣвушкамъ*).

«Вдешейся-бы и онесъ —
Больно дорого провозъ»!

Видите, погода какова!

Маша.

Это къ намъ не относится.

Лиза.

Мы мукой не торгуемъ.

Анна Ивановна.

Да ты что пристал! Ты вот отгадай загадку. Что такое: кругла—да не дѣвка; съ хвостомъ — немышь?

Разлюляевъ.

Это штука мудреная!

Анна Ивановна.

То-то мудреная!... Вотъ ты и думай! Ну дѣвушки, пойдемте. (*Дѣвушки встаютъ и собираются идти*). Парня, пойдемте. (*Гуслингъ и Разлюляевъ собираются*).

Митя.

А я послѣ приду. Я тутъ уберу кой-что.

Анна Ивановна (*пока собираются*).

«Вечоръ дѣвки,
Вечоръ красны,
Вечоръ дѣвки пиво варили.
Зашелъ къ дѣвкамъ,
Запогъ къ краснымъ,
Зашелъ къ дѣвкамъ да незваный гость».

(Анна Ивановна за дверью пропускаетъ всѣхъ, исключая Любви Гордѣвны, затворяетъ и не пускаетъ ее).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Митя и Любовь Гордѣвна.

Любовь Гордѣвна (*у двери*).
Перестаньте, не дурачьтесь! (*За дверью слышны смѣхъ*). Не пускаютъ!.. Ахъ, какія! (*Отходитъ отъ дверей*). Валовницы, право!..

Митя (*подавая стулъ*).

Присядьте, Любовь Гордѣвна, побесѣдуйте минуточку. Я очень радъ, видѣвши васъ у себя.

Любовь Гордѣвна (*садится*).

Чему тутъ радоваться, я не понимаю.

Митя.

Да какъ же-съ!.. Мнѣ очень пріятно-съ видѣть съ вашей стороны такое вниманіе, сверхъ моихъ для васъ заслугъ. Вотъ ужъ другой разъ я имѣю счастье-съ...

Любовь Гордѣвна.

Ну, что-жь! Пришла, посидѣла и ушла, въ этомъ важности не состоятъ. Я, пожалуй, и сейчасъ уйду.

Митя.

Ахъ, пѣтъ, не уходите-съ!.. Для чего-же-съ!.. (*Внимаетъ изъ кармана бумагу*). Позвольте мнѣ презентовать вамъ мой трудъ... какъ умѣю, отъ души.

Любовь Гордѣвна.

Это что такое?

Митя.

Собственно для васъ сочинилъ стихи.

Любовь Гордѣвна (*стараясь скрыть радость*).

Еще, можетъ быть, глупость какая-нибудь... не стоить читать.

Митя.

Этого я не могу судить, потому какъ самъ я это писалъ и притомъ не учившись.

Любовь Гордѣвна.

Прочитай.

Митя.

Сейчасъ-съ. (*Садится подлѣ стола и беретъ бумагу. Любовь Гордѣвна подвигается къ нему очень близко*).

«Не цвѣточекъ въ полѣ виетъ, не былинка —
Виетъ, сохнетъ добрый молодецъ — дѣтиска.
Полюбилъ онъ красну дѣвицу на горе,
На несчастіице себѣ, да на больное.
Понапрасну свое сердце парень губить,
Что неровнюшку дѣвицу парень любитъ:
Во темну ночь красну солнцу не всходити,
Что за парнемъ красной дѣвицы не быти».

Любовь Гордѣвна (*сидитъ нѣсколько времени задумавшись*).

Дай сюда. *Беретъ бумагу и прячетъ, потомъ встаетъ*). Я тебѣ сама напишу

Митя.

Вы-съ?

Любовь Гордѣвна.

Только стихамъ я не умѣю, а такъ, просто.

Митя.

За великое счастье почту для себя ваше такое одолженіе-съ. (*Даетъ бумагу и перо*). Извольте-съ.

Любовь Гордѣвна.

Жаль только, что скверно пишу-то. (*Пишетъ; Митя хочетъ заглянуть*). Только ты не смотри, а то я брошу писать и пизорву.